

ГЛАВА 1 Логан

Апрель

Сохнуть по девушке своего лучшего друга — полный отстой.

Во-первых, это создает уйму неловких ситуаций. Не скажу за всех парней, но мало кому захочется выйти из спальни и столкнуться с девушкой своей мечты, которая всю ночь провела в постели твоего лучшего друга.

А во-вторых, мало-помалу начинаешь есть себя поедом. Что и понятно: трудно не возненавидеть себя за то, что предаешься фантазиям о той, по которой сходит с ума твой друг.

Пока что неловкие моменты перевешивают. В нашем доме очень тонкие стены, а это значит, что мне слышен любой стон, сорвавшийся с губ Ханны, каждый ее вздох. И каждый удар изголовья кровати об стену, когда кто-то другой занимается любовью с девушкой, о которой я не могу перестать думать.

Весело, что и говорить.

Я лежу на своей кровати и пялюсь в потолок. И даже больше не притворяюсь, что копаюсь в записях на своем *iPod*. В уши уже давно воткнуты наушники, чтобы не слышать, чем занимаются Гаррет и Ханна в соседней

комнате, но я до сих пор так и не нажал кнопку воспроизведения. Похоже, сегодня мне хочется помучиться.

Нет, я не идиот. Я знаю, что она любит Гаррета. Достаточно понаблюдать, как Ханна на него смотрит, как они ведут себя, когда вместе. Они встречаются уже полгода, и даже я, самый худший в мире друг, не могу отрицать того, что это идеальная пара.

И черт побери, Гаррет заслуживает счастья. Это с виду он самоуверенный сукин сын, но на самом деле — чертов святой. Лучший центральный нападающий из всех, с кем мне доводилось выходить на лед, и просто отличный парень. Я не сомневаюсь в своей гетеросексуальности, поэтому с уверенностью могу сказать: знаете, что бы было, играй я за «другую команду»? Я бы не просто трахнул Гаррета Грэхема — я бы на нем женился!

И именно это делает всю ситуацию нестерпимой. Я даже не могу ненавидеть парня, который занимается сексом с девушкой моей мечты. Нет даже мысли о мщении, потому что я не могу ненавидеть Гаррета, никак не могу.

Слышен скрип открывающейся двери, и в коридоре раздаются чьи-то шаги. Я молюсь, чтобы ни Гаррет, ни Ханна не постучали в мою дверь. Или того хуже — заговорили со мной, потому что даже звук голоса кого-то из них приведет меня в еще большее уныние.

К счастью, в дверь громко барабанит другой мой сосед, Дин. И тут же, не дождавшись приглашения, входит.

— Сегодня вечеринка в «Омеге-Фи». Идешь?

Я мгновенно спрыгиваю с кровати, потому что прямо сейчас отправиться на вечеринку кажется чертовски классной идеей. Напиться в хлам — верный способ на время забыть про Ханну. Хотя нет — я хочу не только напиться, но и трахнуть кого-нибудь. Если одно не поможет мне в достижении моей цели, то второе точно сработает.

— Да, черт возьми, — отвечаю я, одновременно пытаюсь найти рубашку.

Натягивая чистую футболку, стараюсь не обращать внимания на острую боль в левой руке — она до сих пор

адски болит из-за костедробильного силового приема, полученного во время игры за звание чемпионов на прошлой неделе. Но оно того стоило — уже третий год подряд хоккейная команда Брайара одерживает победу в финале «Замороженной четверки». Можете считать это непревзойденным хет-триком. И все игроки нашей команды, включая меня, по-прежнему наслаждаются преимуществом зваться трехкратными национальными чемпионами.

Дин, тоже защитник нашей команды, называет все это «Победа с тремя П»: попойки, популярность, перепихи.

И он не грешит против истины, потому что с момента нашей грандиозной победы я самолично пользуюсь всеми этими благами.

— Сегодня ты дежурный водитель? — надевая поверх футболки черную толстовку и застегивая ее, спрашиваю я.

Мой приятель фыркает:

— Ты сейчас это серьезно?

Я закатываю глаза:

— И то правда: чем я только думаю?

Никогда такого не было, чтобы Дин Хейворд-Ди Лаурентис оставался на вечеринке трезвым. Каждый раз, когда чувак выходит за порог дома, он либо напивается в стельку, либо укуривается до чертей. Но если вы думаете, что это каким-то образом влияет на его игру, то ошибаетесь. Он из тех уникалов, которые могут кутить похлеще молодого Роберта Дауни-младшего, но при этом оставаться такими же успешными и уважаемыми, как *нынешний* Роберт Дауни-младший.

— Не парься, за нами присмотрит Так, — говорит мне Дин. Значит, наш четвертый сосед, Такер, тоже едет с нами. — Слабак! Уже сутки прошли, а у него все еще похмельный синдром. Решил взять перерыв.

М-да, но я Такера не виню. Межсезонные тренировки начнутся только недели через две, а мы прямо-таки задались целью отдохнуть на всю катушку. Вот что бывает,

когда становишься национальным чемпионом. Когда в прошлом году мы выиграли чемпионат, я не просыхал две недели подряд.

Нельзя сказать, что я с радостью жду межсезонья. Силовые и физические подготовки, изнурительные тренировки — все это изматывает, но ты совсем остаешься без сил, когда одновременно с этим вкальываешь по десять часов. Но у меня нет выбора. Тренировки на износ — обязательная часть подготовки к предстоящему сезону, а работа... что поделать, я дал обещание брату, и, как бы меня ни выворачивало наизнанку от одной только мысли о том, что мне предстоит, отступить от своих обещаний нельзя. Джеф с меня три шкуры спустит, если я не выполню свою часть уговора.

Мы с Динем спускаемся по лестнице, а наш сегодняшний водитель уже ждет нас у входной двери. Лицо Такера покрыто изрядно отросшей рыжевато-коричневой щетиной, которая делает его похожим на вервольфа. Однако на прошлой неделе на какой-то вечеринке девчонка, с которой он познакомился, сказала ему, что у него кукольное лицо. Вот Такер и решил испробовать новый образ.

— Ты ведь понимаешь, что эти заросли на физиономии мужественности тебе не придают, да? — подкалывает его Дин, когда мы выходим за дверь.

Так пожимает плечами:

— Вообще-то, я стремился к брутальности.

Я фыркаю:

— Ну, до этого тебе тоже еще далеко, *Куколка*. Ты похож на сумасшедшего ученого.

Такер показывает нам средний палец и направляется к водителескому месту моего пикапа. Я усаживаюсь на пассажирское сиденье, а Дин залезает в кузов, объяснив это тем, что ему хочется подышать свежим воздухом. На самом деле ему просто хочется, чтобы ветер растрепал его шевелюру до состояния взъерошенного сексуального беспорядка, от которого девчонки штабелями падают

к его ногам. Должен предупредить сразу: Дин до отвращения тщеславен. Но, с другой стороны, выглядит он как модель, так что, наверное, ему можно быть тщеславным.

Такер заводит мотор, а я барабаню пальцами по ноге, с нетерпением ожидая, когда мы наконец стартуем. Многие студенты из Греческой системы* раздражают меня своим высокомерием, но я буду смотреть на это сквозь пальцы, потому что... Черт, да потому что если бы организация вечеринок входила в Олимпийские игры, то любой дом братства или сестринства в Брайаре получил бы золотую медаль.

Так задним ходом выезжает с подъездной дорожки, а мой взгляд падает на сияющий черный джип Гаррета, который припаркован на своем обычном месте, пока его владелец проводит вечер с лучшей в мире девушкой и...

Хватит! Я скоро сойду с ума из-за этой одержимости Ханной Уэллс.

Мне нужно потрахаться. И как можно скорее.

По дороге до «Омега-Фи» Такер непривычно тих. Может, он даже хмурится — трудно сказать, потому что кто-то сбрил все волосы с тела Хью Джекмана и приклеил их к лицу Така.

— Что за игра в молчанку? — непринужденным тоном спрашиваю я.

Он бросает на меня сердитый взгляд, а потом снова переводит глаза на дорогу.

— Ох, ну прекрати. Это потому что мы прикалываемся над твоей бородой? — Я понемногу начинаю злиться. — Приятель, да это как первая глава пособия «Бороды для чайников»: если отпускаешь бороду как у горца, готовься к тому, что это станет поводом поржать. Конец главы.

— Дело не в бороде, — бурчит Так.

* *Греческая система* — одно из обобщенных названий студенческих мужских и женских организаций в вузах США (братств и сестринств), которые называются буквами греческого алфавита.

— Ладно, — недоумеваю я. — Но ты явно из-за чего-то сердишься. — Когда приятель ничего не отвечает, я решаю копнуть глубже. — Да что с тобой?

Взгляд его сердитых глаз встречается с моим.

— Со мной? Ничего. А вот что с тобой? Я даже не знаю, с чего начать. — И я слышу, как он чертыхается себе под нос. — Завязывай уже с этим дерьмом, мужик.

Теперь я вообще перестаю что-либо понимать, потому что все мои действия за последние десять минут были связаны только со сборами на вечеринку.

Такер замечает мое удивление и мрачным тоном поясняет:

— Я про эту фигню с Ханной.

От неожиданности я застываю, но все еще пытаюсь сделать вид, что не врубаюсь:

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь.

Угу, лучше уж я совру. Собственно, мне не впервой. Кажется, я вру с тех самых пор, как поступил в Брайар.

Мне предначертано попасть в НХЛ самой судьбой. Так или иначе, я попаду в команду!

Обожаю каждое лето работать механиком в гараже отца. Зашибаю приличные деньги на карманные расходы!

Нет, я не сохну по Ханне. Она же встречается с моим лучшим другом!

Ложь, ложь и еще больше лжи, потому что каждый раз сказать правду равносильно крушению всех надежд, а меньше всего мне хочется, чтобы мои друзья и товарищи по команде меня жалели.

— Оставь эту чушь для Джи, — резким тоном бросает Такер. — И знаешь что? Тебе повезло, что он так влюблен и не обращает внимания на то, что происходит. Потому что иначе он бы точно заметил, как ты себя ведешь.

— Да? И как, интересно? — в тон ему отвечаю я и стискиваю челюсти. Мне совсем не нравится, что Так догадался о моих чувствах к Ханне. А еще больше мне не нравится то, что он, после стольких месяцев, все-таки решился на этот разговор. Почему не оставить все как

есть? Эта ситуация и так уже хуже некуда, но нет, кое-кому понадобилось еще и уличить меня.

— Серьезно? Ты хочешь список? Отлично. — Его лицо мрачнее тучи, когда он начинает перечислять каждую гребаную мелочь, что и без того вызывает во мне чувство вины. — Ты выходишь из комнаты в тот же момент, когда они туда заходят. Ты прячешься в своей спальне, когда она остается у нас ночевать. А если вы *все-таки* оказываетесь в одном помещении, когда думаешь, что тебя никто не видит, ты глаз с нее не сводишь. Ты...

— Ладно, — обрываю я его. — Понял-понял.

— И я уж не говорю о том, что ты трахаешься со всеми подряд, — ворчит Такер. — Да, ты тот еще бабник, но чувак, за эту неделю ты переспал с пятью девушками!

— Ну и что?

— А то, что сегодня *четверг*. Пять девушек за четыре дня. Да ты сам, блин, посчитай, Джон.

Вот черт. Он назвал меня по имени. А Такер называет меня Джоном, только когда *по-настоящему* злится на меня.

Но вот только сейчас я тоже злюсь на него и поэтому тоже обращаюсь к нему по имени:

— А что не так, *Джон*?

Да, мы с ним тезки. Наверное, нам нужно поклясться на крови и создать свой клуб или типа того.

— Мне двадцать один год, — раздраженно продолжаю я. — Мне уже можно заниматься сексом. Нет, я *должен* заниматься сексом — как еще, когда ты учишься в колледже? Развлекаешься, трахаешься и отлично, черт побери, проводишь время до тех пор, пока не выходишь в реальный мир и жизнь не превращается в дерьмо.

— Ты действительно хочешь притворяться, что все эти переписки — просто вехи в твоей студенческой жизни? — Такер качает головой, затем делает выдох, и тон его смягчается: — Ты не можешь выкинуть ее из головы, мужик. Сегодня ты можешь переспать с сотней других женщин, но это все равно ничего не изменит. Тебе пора

принять тот факт, что с Ханной у вас ничего не будет, и жить дальше.

Он абсолютно прав. Я прекрасно осознаю, что погряз в своем дерьме и трахаюсь, только чтобы отвлечься.

А еще я понимаю, что нужно прекращать эти вечеринки, во время которых я напиваюсь до бесчувствия. Что нужно убить в себе эту искорку надежды на то, что у нас что-то может быть, и просто смириться с тем, что этого *не* случится.

Наверное, я даже начну действовать. С завтрашнего дня.

А сегодня? Буду придерживаться изначального плана. Забыться. Потрахаться. А все остальное пусть катится к чертям.

Грейс

Я поступила в колледж девственницей.

И начинаю думать, что в этом же статусе его и окончу.

Конечно, в том, чтобы состоять почетным членом клуба целомудрия, нет ничего плохого. Ну и что, что мне скоро стукнет девятнадцать? До того, чтобы именоваться старшей девой, мне еще далеко, и уж точно никто не станет обмазывать меня дегтем и вываливать в перьях только потому, что моя девственная плева до сих пор в целости и сохранности.

К тому же не похоже, что у меня появилась возможность потерять девственность в этом году. С тех пор как я поступила в университет Брайар, моя лучшая подруга только и делает, что таскает меня по вечеринкам, которым я уже потеряла счет. Конечно, парни со мной флиртовали. Некоторые (и это правда) даже пытались меня соблазнить. А один вообще прислал фотку своего пениса с надписью «Он весь твой, детка». Что само по себе было... да-да, ужас как пошло, но, думаю, если бы он действительно мне нравился, то я, наверное, была бы, э-э-э, польщена? Так ведь?